

УДК: 81'367:821.111-1"653"
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-536-552

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ «ЗОЛОТОГО» СТИЛЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Ю.П. Вышенская

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
наб. реки Мойки, 48, к. 14, Санкт-Петербург, 191186

Данная статья посвящена проблеме исследования поэтического языка в ракурсе обретаемой им значимости под влиянием связей с грамматической тканью художественного произведения. Настоящая проблема рассматривается на примере феномена «золотого» стиля, характерного для произведений английской поэтической словесности. Синтаксические характеристики «золотого» стиля изучаются на текстовом материале куртуазных рыцарских поэм как наиболее репрезентативном.

Художественный стиль рассматривается как элемент триады «стиль — текст — дискурс», характер корреляционных связей между которыми оказывает влияние на компоненты стиля и нюансы их аранжировки.

В эпоху смены средневековья Возрождением наблюдается смена устных форм существования текста письменными, сопровождаемая взаимодействием форм книжной и устной речи.

Направление процесса формирования грамматической базы произведений английской словесности зрелого средневековья во многом определяют отношения синтаксиса рассматриваемой эпохи и возникших в результате набравшего в Европе гуманистического течения стилистических тенденций.

В рамках этих тенденций происходит замена античных риторик национальными риториками, ориентированными на латинские, французские и провансальские модели, чем обуславливается их подражательность, проявление которой заключается в одновременном использовании опыта как античных, так современных итальянских авторов (Данте, Боккаччо, Петрарка).

Ситуация в Англии рассматриваемого периода времени в полной мере отражает ситуацию в континентальной Европе, что сказывается, прежде всего, в характерном для итальянской гуманистической культуры стремлении к изысканности и утонченности стиля, обозначаемого термином “golden” или “aureate”, введенного в научный обиход Лидгейтом, синтаксический подъярус которого избирается в качестве предмета настоящего исследования.

Ключевые слова: дискурс, «золотой» стиль, модель, подражательность, поэтический синтаксис, художественный текст

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы по теории художественного стиля, основы которой были заложены в трудах академика В.В. Виноградова, в настоящее время остаются в центре исследовательского интереса, что связано с проникновением в переживаемую современным гуманистическим знанием эпохи интеграции наук элементов анализа дискурса в область традиционного стилистического анализа. Наложением триады «стиль — текст — дискурс», предложенной Е.А. Гончаровой [1. С. 10], на материал произведений средневековой словесности возможно переосмыслить процессы стилегенерации удаленного во времени периоды смены средневековья Возрождением, характеризуемого бурными процессами, имевшими место в социуме, языке, художественной литературе и литературе научно-теоретического характера.

Дискурс, понимаемый как совокупность различных факторов языковой и неязыковой природы, включая доминирующие и периферийные тенденции в социуме, литературе и научной мысли, и текст, фиксируемый на письме некоей связной последовательностью знаков [2. С. 9], фрагмент порождающей его реальной действительности, объединяются, по мысли Е.А. Гончаровой, стилем (модусом формулирования) текста [1. С. 10].

Специфика собственно исторически направленных стилистических изысканий, по настоянию В.В. Колесова, заключается в изучении становления и развития стилей средневекового языка на фоне нейтральной нормы и в связи с развитием системы языка, качественными преобразованиями в стилевом ряду языка [3. С. 18].

Диапазон стилей, возможных на любом этапе развития литературного языка, «укладывается в схему» из трех компонентов, в которой находят отражение различные сферы коммуникации, вытекающие, тем не менее, из «принципиальных установок самой системы языка: логичность — образность — эмоциональность, что подразумевает актуализацию на уровне текста, сменяемую жанром, завершаемую стилем» [3. С. 20].

Фактура и способ организации стиля художественного произведения неоднородна, многослойна, все слои этого феномена при этом оказывают эстетическое воздействие на эмоциональное состояние реципиента (читателя или слушателя), однако интенсивность этого воздействия представляет собой варьирующуюся величину. Стилистический ярус, образуемый синтаксическими стилистическими приемами и средствами, является предметом настоящего исследования, выполненного на материале английских куртуазных аллитеративных поэм, одного из наиболее репрезентативных литературных жанров рассматриваемого периода времени. Стилль художественного произведения изучается сквозь призму изменений в обществе, формирующемся национальном языке и создававшейся на нем литературе в анализируемую временную эпоху.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭПОХИ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Многие работы по изучению поэтического синтаксиса являют собой развитие мысли Р. Якобсона о зависимости действительной значимости поэтического языка от его грамматической ткани [4. С. 84], например, О.А. Лаптевой [5], Е.В. Литвиненко [6], Н.В. Патроевой [7], Z. Klemensiewicz [8].

Формирование грамматической основы стиля произведений английской словесности эпохи смены Средневековья Возрождением происходит в условиях мощного влияния процессов интенсивного взаимодействия синтаксиса Возрождения и стилистических тенденций, толчок к возникновению которых дало крепнущее в Европе гуманистическое течение [9. С. 183].

В условиях изменения формы бытования устных текстов — их фиксация на письме — особенно заметной становится функция стиля как связующего звена между текстом и дискурсом: способ существования текста, определяемого лучеобразным дискурсом, оказывает влияние на элементы, образующих в совокупности художественный стиль [10. С. 10].

Результатом независимых процессов возникновения письменной фиксации бытования текстов и взаимодействия форм книжной и устной речи является рождение нового качественного образования, некоего сплава отмеченных типов элементов. Тем очерчиваются перспективы стилистического характера для выражения различного по своей природе содержания (абстрактный, обобщенный, понимаемый как возвышенный и как сниженный) [11. С. 203].

Как отмечает В.Е. Хализев, доминанта мыслеопределяющей функции речи, среды ее абсолютного осуществления, — производная взаимосвязи речи и мышления, чем, в свою очередь обуславливается способность художественной литературы к широкому воссозданию процесса мышления людей в адекватной форме [12. С. 104].

Литература «в рамках устойчивых жанрово-стилистических форм ... эстетически значимых приемов и средств речеведения, которые являют собой характеристику самого жанра» [12. С. 107]. Иными словами, стиль текстов былин, исторических песен, сказок, эпических произведений хранит рудименты коллективного сознания, что предполагает отсутствие у «выразительная стороны высказываний» индивидуализированности [там же].

Благодаря условности поэтического языка литературный язык обретает устойчивость и внутреннее единство, характерные и важные для него качества. Согласно концепции литературности языка на начальном этапе его становления эти параметры формируются как категория «облагороженности», тем самым укрупняется ракурс собственно языковой проблемы нового литературного языка, то есть размежевание языка, используемого в литературных целях, и обыденного разноречия, представленного вариантом искусственной сублимации. Требования по благородству форм предъявлялись в лексико-семантической сфере, что включало также и фонетический рисунок слова, и синтаксис [13. С. 127].

В грамматическом строе литературного языка начального этапа становления обнаруживается гетерогенность с сопутствующей ей «известной множественностью проявлений, характер которых совершенно иной, чем у их аналогов на этапе более высокой эволюционной ступени» [5. С. 7]. Особыми чертами грамматического строя начального этапа развития является «нормативная неупорядоченность», связанная непосредственно с его территориально диалектным варьированием и одновременно «взаимодействием народной и иноязычной стихий» [там же].

Следствием письменной фиксации речи, по аналогии со всеми прочими вторичными по отношению к естественному языку системами, являет собой «усиление кода», то есть установление различий в сфере процессов формирования грамматической нормы и синтаксической организации, что ведет к упрощению системы, уменьшению вариативности форм, сопровождаемому единообразием. Синтаксическая организация способствует усложнению системы, качественному повышению вариативных конструкций и прочих средств синтаксической природы для выражения одного и того же смысла. По установлении грамматической нормы более дифференциальных отношений в парадигматическом плане и увеличением взаимодействия их элементов в синтагматическом плане язык переходит в фазу более высокого развития, обретает гибкость. Фонд средств выражения обогаща-

ется, тем не менее, обязательной силы жестких законов установленные отношения не обладают [13. С. 137].

Необходимая для формирования стиля стабильность норм имеет универсальный характер, поскольку XIV—XV-й вв., эпоха Возрождения в Европе, — это и время выбора характера языковой стабильности.

Самый процесс взаимодействия включает, как пишет Л.Г. Степанова, «особую обработку и планомерную перестройку» разговорного узуса, который по прохождении этих процедур превращается в фон, наделенный способностью и способствующий формировать *usus scribendi* [13. С. 138].

В эпоху зрелого Средневековья в сфере регламентирующих правил, подчиняющих себе поэтический язык (стиль), возникающий как следствие преобразования языка естественного, происходит смена доминирующих античных риторик руководствами подобного рода на национальных языках.

На этапе формирования литератур на нарождающихся национальных языках важная роль ориентиров принадлежит латинским, французским и провансальским моделям, тем обуславливается феномен подражательности, отличительной черты европейских национальных литератур в рассматриваемую эпоху, в том числе и английской.

Английские авторы, подобно авторам континентальной Европы, обращались, согласно традиции, к опыту античных, но одновременно и современных итальянских авторов (Данте, Боккаччо, Петрарка), заимствуя, подражая и преобразовывая найденные ими стилистические решения и ходы.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ «ЗОЛОТОГО» СТИЛЯ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В английской интеллектуально-писательской среде крепнет перенятая у итальянской гуманистической культуры тенденция, суть которой заключается, прежде всего, в стремлении к изысканности и утонченности стиля, для обозначения которого Лидгейтом был введен термин «golden» или «aureate» («золотой»).

Следует отметить, что заимствованное стремление на Британских островах сочеталось с приверженностью национальным стилистическим традициям, сформировавшимся в англо-саксонском стихосложении.

В том находит проявление отмеченная П. Дронке специфика, отличающая произведения и стилистическую манеру представителей творческого содружества поэтов скальдов, типичную для ареала распространения германских языков, сложившихся в раннее Средневековье. Согласно стилистической традиции, бытовавшей в культуре древнегерманских, прежде всего древнескандинавских поэтов, версификация основывается на сочетании уже сформировавшихся к тому времени стилистических предпочтений, что включает комбинирование местных наречий с латынью, языческих представлений с христианскими, светского с религиозным, устного с письменным [14. С. 22].

В том видится раскрытие своеобразия британской этнической модификации ситуации билингвизма, которая типична для социумов, в которых сосуществуют два и более языка, что характерно для европейских стран эпохи Средневековья.

Их использование, как указывает Х. Хок, сравнимо с использованием различных социо- и региональных диалектов в монолингвальном социуме [15. С. 492].

Стилизация под эпические произведения наблюдается в использовании синтаксических стилистических приемов, в основу которых положен принцип повторяемости. Таково, например, использование полисиндетона, представленного многократным анафорическим повторением союза *and*.

Очевидность стилистической родственности германского соединительного элемента *and* и романского соединителя *et*, «надбавок к естественному изложению», находит проявление в особенности их функционирования, что, как указывает Л.Г. Степанова, означает парадоксальную контаминацию интонационной сегментации текста с объединением составляющих текст частей в единое целое, благодаря чему достигается эффект изображения многого как единое. Сущность этого приема формирования цельной текстовой структуры, принадлежащей к нанизывающему типу, сводится к «воспроизведению основного структурообразующего принципа, который лежит в основе исходного сегмента, а также в сочетании идентичных средств связи, иначе пограничных элементов» [13. С. 138].

Отмеченный тип стиля формируется во времена античности и получает детальное освещение в трудах Аристотеля, согласно трактовке которого данное явление представляет собой универсальный способ повествования на раннем этапе складывания литературы, характеризуемый «беспредельностью», его основным качеством, что отличает его от «„сплетенного“» стиля, складываемого из периодов, текстовых отрезков, обладающих началом и концом, как и хорошо обозримой протяженностью» [там же].

Параллели прослеживаются также в траекториях развития этих стилевых разновидностей. Одна из них обладает количественной природой и сводится к увеличению количества повторов. Качественная сущность другой из них предполагает усложнение структуры повторяемого фрагмента [13. С. 142].

Ситуация в германских языках во многом схожа с ситуацией, сложившейся в странах романской речи, что получает описание в исследовании В.Г. Адмони. Для количественного пути развития вводится термин «разрыхление» (*Auflockerung*), что подразумевает «массовый отход от рамочной конструкции, широкое обращение к обособлению и парантезе (вставному предложению или компоненту предложения), что вызвано возрастающим воздействием на литературный язык форм разговорно-обиходной речи» [16. С. 162].

Отмеченный феномен представлен в тексте поэмы «Lay le Freine»:

We redeth oft and finfeth ywrite — / And this clerkes wele it wite — / Layes that ben in harping / Ben yfounde of ferli thing. / Sum bethe of wer and sum of wo, / And sum of joie and mirthe also, / And sum of trecherie and of gile, / Of aventours that fel while; / And sum of bourdes and ribaudy, / And mani ther beth of fairy. / Of al thinges that men seth, / Mest o love for soothe thai beth, / In Breteyne bi hold time / This layes were wrought, so seith this rime [19].

(Нам хорошо известно из сказаний и книг, / О том знают и писцы, что лэ, / сопровождаемые игрой на арфе, / полны описаний чудесных событий. / В одних повествуется о войнах и печалях, / в других — о радости и веселье, предательстве, злодея-

ниях, / приключениях, разбойниках, дурных людях. / Во многих рассказывается о волшебстве, / О виденном людьми, но большинство из них / посвящено истинной любви. / Лэ слагались в Бретани, откуда пришло и это [перевод наш — Ю.В.].

В цитируемом фрагменте отчетливо наблюдается созвездие разнообразных соединительных элементов, в первую очередь, использование отмеченного выше соединительного элемента *and*, вынесенного в открывающую позицию в рифмующихся строчках по принципу анафорического повтора, чередующегося с повтором предлога *of* на основе того же принципа.

Повторение отмеченных соединительных элементов внутри строк препятствует возникновению эффекта монотонности, сообщает стилю большой динамизм и живость, характерные для разговорной речи.

Сочетанием разных видов повторов достигается цельность всего рассматриваемого поэтического фрагмента с одновременным усложнением синтаксического узора текстовой ткани, что совместно с поддержкой на фонетических стилистических ярусах аллитерирующими согласными придает особую напевность и мелодику. В том видится связь синтаксической организации поэтического средневекового текста эпохи перехода от устной формы бытования к форме, фиксированной письмом, от текста более древнего периода формы устного существования, эпохи мощного влияния интонации, значение которой в разговорной речи было велико, на синтаксис создаваемого произведения словесного творчества. Лаконичность и легкость стиля напоминает о генетическом родстве анализируемых аллитеративных куртуазных поэм и лэ и произведений устного народного творчества.

Благодаря этому усиливается связь с эпическими произведениями не только в композиционно-организационном, но и репрезентационном плане: средневековые поэмы, как известно, предназначались для публичного исполнения под музыкальный инструмент, чаще всего арфу, столь любимую средневековыми менестрелями, упоминаемую в тексте: *layes that ben in harping*.

Следует отметить, что в повторы вовлекаются не только отмеченные служебные части речи, но также и, например, местоимения. Так, определенное местоимение *sum* выступает начальным звеном цепочки элементов существительных, обозначающих темы популярных лэ, объединенных в синонимические пары: *sum bethe of wer and sum of wo*; *sum of joie and mirthe*; *sum of trecherie and of gile*; *sum of bourdes and ribaudy*, еще одну характерную для стилистического оформления эпического текста черту. По исчерпанию тематического перечня элемент *sum* заменяется прилагательным *mani*: *mani ther beth of fairy*, сменяемый в последующей строчке своей формой в превосходной степени *mest* в комбинации с существительным *love*, главной темы жанра лэ, повествующем о любви: *mest o love for soothe thai beth*.

Превосходная степень *mest*, обрамляемая двумя инверсиями *of al thinges* и *in Breteyne bi hold time this layes were wrought*, привлекает внимание читателя или слушателя, нарушая вызванную перечислением монотонность, что способствует созданию эффекта ожидания, который можно определить антонимичным приня-

тому в стилистике декодирования термином «оправданного», что продиктовано искусственностью внимающей аудитории, подготавливая ее таким образом к дальнейшему ходу событий.

Фрагмент традиционно завершается инвертированным порядком слов *so seith this rime*, благодаря чему звучание отрывка обретает особую торжественность.

Феномен «разрыхления», отмечаемый М. Шлаух, наблюдается в области комбинации придаточного предложения с определяемым им существительным, осложняемой включением разнообразных видов парантезы. Наиболее часто употребляемым соединителем выступает в этих случаях местоимение *that*. Практика использования указательного местоимения *that* в функции соединительного элемента возникла задолго до XV-го в. В тот период времени допускалось сочетание местоимения этого разряда с последующим за ним усилительным личным местоимением, что в языке на современном этапе развития считается избыточным [17. С. 56].

Согласно сложившейся исследовательской традиции самая насыщенность текста союзом *Pat* рассматривается как несовершенство стиля: «неповоротливости», плеонастичности, неуклюжести, своего рода лишнего смысла заполнителя (*filler*), метрической уловкой, либо как рудимент устного стиля эпохи коллективного творчества [18. С. 73].

В отечественной научной среде на эту деталь также обращает внимание Л.Г. Степанова, указывая, что некую синтаксическую монотонность, отмечаемую в приведенных цитатах, как и повторение сходных либо тождественных по структуре «грамматических конструкций, оборотов и выражений на довольно протяженном участке текста», следует воспринимать как закономерность обязательного характера, присущую начальному этапу возникновения письменности [13. С. 138].

Пример подобного рода зафиксирован в текстовом материале аллитеративной поэмы «*Sir Gawain and the Grene Knight*»: *he Pat wan watz not wrothe, Pat may ge wel trawe* [20. С. 18].

Процитированная строчка являет собой одну из деталей описания сцены праздничных игр при дворе легендарного короля Артура, приводимой ниже:

And syþen riche forth runnen to reche hondeselle, / Geged gers — giftes on hig, gelde hem bi hond, / Debated busily aboute Po geftes; / Ladies lages ful loude, Pog Pay lost haden, / And he Pat wan watz not wrothe, Pat may ge wel trawe. / Alle Bis morþe Pay maken to þe mete tyme; / When Pay had washen worþyty Pay wenten to sete, / Þe best burne ay abof, as hit best semed / [Sir Gawain and the Grene Knight 2006: 18].

(Меж тем о подарках вспомнить пора настала / Все непременно шутили, дары вручая, — / Ладони сжав, восклицали: «А ну, в которой!»; / Дамы, игру затеяв, звонко смеялись, / Здесь выиграть иль проиграть — все весело было. / Так время препровождали, день от обеда, / Затем, умывшись, степенно к столам подходили. / Почетные гости вверху, прилично чину [20. С. 19].

В этом отрывке подчинительный тип связи, представленный союзом *Pat*, комбинируется с уже проанализированным ранее сочинительным союзом *and*, расставленным на открывающие строчки позиции по принципу нерегулярного повтора. В целом, комплекс отмеченной с современной точки зрения избыточностью

и нерегулярностью соединительного элемента *and* сообщает поэтическому фрагменту особый, неповторимый ритм, характерный для эпической поэзии, узнаваемый слушающей аудиторией.

Ориентация на латинские образцы обуславливается отсутствием должной степени оформленности модели-эталона, иными словами, национальной языковой нормы или стандарта. Тем, по замечанию М. Шлаух, объясняются некоторые сложности, которые возникают в среде образованных писателей в случае необходимости конструирования сложного предложения [17. С. 56], или, в терминологии А.И. Смирницкого, создания «формулы предложения» [21. С. 36].

Д. Лайтфут, сторонник подобной точки зрения в англоязычной научной среде, расширяет в своих работах спектр причин отмеченной «неловкости», обращая внимание на недостаточность разработанности регламентирующих правил, в частности, в сфере теоретических построений, допускающих нарушения закономерностей построения предложения (*ungrammatical sentence*) или его синтаксической формулы, в стилистических целях. Во многом эти особенности формируются под влиянием разговорной речи, что определяет интерес к текстам, репрезентирующим различные диалекты, представленные в эпистолярном и драматическом жанрах. Примером стилистического нарушения формулы предложения можно считать воссоздание архаических структур либо следование модели иноязычной конструкции [22. С. 5] [Ср., 23. С. 294].

Процесс создания «формулы предложения» У. Кэктоном, издателем сэра Т. Мэлори, характеризуется экспериментальностью характера и творческим подходом к описываемому феномену. Тем не менее, в целом, найденным им стилистическим решениям присущи известная неуверенность, неготовность и неспособность преодолеть латинское влияние, столь сильное в куртуазной литературе XV-го в. Ориентация на латинские риторические образцы находит проявление в подражании классическому стилю, иными словами, использовании набора определенных немногочисленных стилистических приемов для достижения желаемого эффекта, который включает абсолютную конструкцию, вставки распространенных определителей, инверсию членов предложения.

Согласно сформировавшейся традиции, эксперименты национальных авторов в области стилепорождения связаны с интересом к подобным феноменам в латыни, языке риторических трактатов, в которых регламентировались методики создания художественного языка, обязательных как для начинающих, так и опытных представителей творческого поэтического содружества.

Изысканный стиль рафинированной литературы XV-го в. — результат обращения к опыту авторов античности, в частности, излюбленным ими синтаксическим конструкциям.

Конструкции на национальном языке, своеобразная реплика на латинские образцы, их имитация, возникают уже в древнеанглийский период развития языка, подвергаясь в среднеанглийский период некоторой адаптации.

Первый прием — подражание латинской конструкции *ablative absolute*, которая в результате адаптации в древнеанглийском языке превращается в кон-

струкцию *dative absolute*. В последующий среднеанглийский период, вследствие повсеместной утраты окончаний, она обретает вид номинативной абсолютной конструкции.

Второй прием репрезентирован вставками довольно распространенных определителей, представленных причастными конструкциями, которые, следуя за подлежащим, нарушают тем самым его естественное единство со сказуемым [17. С. 59].

Инверсия членов предложения — третий вид приема, используемого для достижения ритмического эффекта, вовлекаемые в него члены предложения могут быть либо распространенными, либо нераспространенными [17. С. 59].

Описываемые М. Шлаух параметры фиксируются в тексте поэмы “*Sir Gawain and the Grene Knight*”:

The knight of grene chapel men knowen me mony; / Forþe me for to fynde if þou fraysteþ, faylez þou neuer. / Before com, oþer recreaunt be calde þe behoues / With a runish rout þe he torneþ, / Halled out at þe hal dor, his here in his hande, / That þe fyr of þe flynt flage fro fole house. / To quat kyth he becom knewe non þere, / Neuer more þen þay wyste from queþen fre watz wonnen, / What þenne? [20. С. 38].

(«Я, Рыцарь Зеленой Часовни, известен многим; / Коль станешь усердно искать, не проскачешь мимо, / Предстань же или позором себя покроешь». / Затем повернулся круто, поводья тронул / И выехал вон, свой разум рукам доверив, / И сыпались из-под копыт пыль да искры. / В каких краях его дом, никто не ведал — / Откуда явился — о том не обронил он / ни слова» [20. С. 38].)

Упомянутая выше абсолютная конструкция представлена примером *his here in his hande*. Благодаря вкраплениям в текстовую ткань такого рода конструкций стилю сообщается сжатость, лаконичность, ритму повествования — большая динамичность, упругость.

В этом же фрагменте наблюдается инверсированный порядок слов: цитата открывается предложным дополнением *knight of grene chapel*. Вынесение этих приемов в «сильную» позицию способствует фиксации внимания реципиента-читателя, его удерживанию, что создает эффект «оправданного» ожидания, о котором речь шла ранее. Ряд примеров нарушения обычного порядка слов продолжает предложные дополнения *þat þe fyr, to quat kyt*.

Феномен подобного рода зафиксирован в тексте еще одной куртуазной рыцарской поэмы «*The Erl of Toulous*»:

Of hys comyng hys men were gladde. / “Be ye merry, my men”, he bade, / “For nothing ye spare; / The Emperour, wythowte lees, / Y trowe, wyll let us be in pees. / And warre on us no mare”. / Thus dwelled the Erle in that place / With game, myrth, and grete solase, / Ryght os hym levyst ware [28].

(Придворные обрадовались его возвращению. / «Возвеселитесь, друзья мои», — обратился он к ним, / — «ибо жалеть вам не о чем. / Император, лишенный свободы и доверия, / не сможет помешать нам». / Итак, граф обосновался в том дворце, / предаваясь играм, / увеселениям и удовольствиям [перевод наш — Ю.В.].)

Приведенная цитата примечательна не только наличием рассмотренных выше синтаксических стилистических феноменов, которые образуют набор постоянных примет-параметров «золотого» стиля, но также и природой образующих эти конструкции элементов. В этом отношении представляют интерес завершающие цитату строчки:

With game, myrth, and grete solase,
Ryght os hym levyst ware.

Предложная абсолютная конструкция, заключительный аккорд цитаты, содержит абстрактные субстантивы (*myrth, solase*), которые можно рассматривать как примеры «горячих» слов. Этот термин в работах О.А. Смирницкой используется для обозначения основных понятий алфавита германского словесно-художественной культуры древнего этапа [24. С. 200]. В данном случае примером такой культуры выступает куртуазная культура, «веселая наука» трубадуров, в рамках которой нашла отражение доктрина куртуазной любви, сообразно которой регламентировались отношения рыцаря и избранной им дамы. К положениям этой доктрины обращались также при вынесении решений на популярных в средневековой Европе при дворах владетельных сеньоров судах любви.

На Британские острова, как известно, эта традиция проникла вследствие различных причин, в том числе и политического характера, одна из которых, — брак английского короля Генриха с герцогиней Аквитанской, Алиенорой. Личность этой легендарной женщины считают идеальным воплощением образа Донны, центрального в номенклатуре образов куртуазного универсума. Гильельм, герцог Аквитанский и ее дед, внесший значительный вклад в политическую и культурную жизнь современной ему Европы, вошел в историю и как первый трубадур, в немалой степени способствуя развитию и распространению куртуазной культуры. Средоточием этой культуры стала столица графства Тулузского, центр политической, научной и культурной жизни просвещенного Юга. Ко времени создания поэмы этот город утратил присущее ему некогда величие и блеск, тем не менее, воспоминания о них сохранили песни трубадуров, которые после разрушительных продолжительных альбигойских войн, уничтоживших утонченно-изысканную цивилизацию Лангедока и Прованса, рассеялись по Европе. Однако, как тому свидетельствуют документы и словесно-художественные произведения, их творчество продолжало оказывать влияние на ход последующего художественно-стилистического развития, в том числе и куртуазного жанра.

Посредством немногочисленных скупых, отличающихся яркостью штрихов, создается атмосфера праздника, радости, веселья и беззаботности, царящая во дворце графа эпохи расцвета «розового» города, любимого герцогиней Алиенорой.

Примерами стилевых распространителей или «разрыхлителей» в сочетании с инверсированным порядком слов, репрезентированным вынесением предложного определения перед подлежащим, изобилует еще одна цитата из анализируемой поэмы:

Thys Emperour had a wyfe, / The fairest oon that evyr bare lyfe / Save Mary mekyll of might / And therto gode in all thyng, / Of almesdede and gode berynge, / Be day and eke be nyght; / Of hyr body sche was trewe / As evyr was lady that man knewe [28].

(Император тот был женат на, / прекраснейшей и достойнейшей из женщин. / Только Пресвятой Деве Марии / уступала она в благочестии, / денно и ночью занималась она делами милосердия) [перевод наш — Ю.В.].

Прочитированный выше текстовый фрагмент представляет собой описание супруги императора, в основу композиции которого положено «нанизывание» характеристик «разрыхлителей», именных словосочетаний, субстантивные или адъективные компоненты которых скрепляются предлогом *of*. Представленная цитата наглядно иллюстрирует стилистическую сущность подобного рода словосочетаний, которая, по выводам А.С. Микоян и С.Т. Тер-Минасовой, заключается в «создании яркого, живого портрета персонажа», их повторяемость способствует «узнаваемости персонажа в каждом новом описании» [25. С. 110].

Очевидна диспропорция в распределении характеристик венценосной героини с явным превалированием свидетельств красоты ее внутреннего мира, кротости нрава, делам милосердия.

Таково назначение аллюзии на добродетельность Девы Марии *save Mary mekyll of myght*, в чем усматривается амбивалентность образа Донны в куртуазной лирической поэзии.

Емкая клише-гипербола *the fairest oon that evyr bare lyfe* являет собой единственный и единственный пример-деталь, которая дает представление о внешности персонажа.

Введение в стилевой узор поэмы на типичный куртуазный сюжет привычного для германской аудитории приема аллитерации в различных ее разновидностях являет собой еще один вариант преобразования континентальной традиции стихосложения, что в соединении с наблюдениями И.Г. Матюшиной соответствует общей тенденции, сложившейся в странах распространения северных и западных германских языков [26. С. 135].

Согласные, как нетрудно заметить, расставлены по аллитерирующим позициям не только в рамках одной строки, но и в следующих друг за другом строчках: d — d, b — b, а также через строчку: m — m, что придает особый ритм стиховому фрагменту, плавность ходу повествования.

Схожесть структур, в основу которых положен принцип инверсии, упоминаемой М. Шлаух, открывающей и закрывающей фраз *that evyr bare lyfe ... As evyr was lady that man knewe*, позволяет рассматривать данный фрагмент как разновидность рамочной конструкции. Использование этого синтаксического стилистического приема в сочетании с инверсией придает всему отрезку завершенность, целостность, естественно обусловленную паузу, предназначенную для размышления над изложенным и подготовки к новому витку повествования.

Отмеченный вариант инверсии не является единственным вариантом использования ее в портретном описании. Вынесением дополнения на не свойственное ему место в предложении препозиции по отношению к подлежащему *of hyr body sche was trewe* осуществляется фиксация внимания читателя.

Идентичность модели с предлогом *of* также обуславливает возникновение ритма поэмы, создания одновременно иллюзии синтаксического тождества: *of hyr body sche was trewe* и *of almesdede and gode berynge*.

Рассматриваемые примеры относятся к примерам XIV-го в., когда язык среднеанглийской поэзии, вероятно, был ближе к разговорному варианту английского языка того периода, чем язык древнеанглийской поэзии. С другой стороны, очевидна разница между поэтическим языком XIV-го и XV-го вв., когда сформировавшиеся литературные нормы отличаются от норм повседневного общения.

Гипербатон — фигура речи, чей стилистический эффект состоит в намеренном нарушении обычного синтаксического порядка, в особенности в изменении в предложении позиции сказуемого [27. С. 26], которая неоднократно встречается в тексте аллитеративных куртуазных поэм и лэ, что дает основание включить ее в перечень синтаксических примет-характеристик «золотого» стиля, заслуживает особого внимания.

Выделенный стилистический прием используется для обозначения действий или готовности к их совершению:

Sone were they bothe redy, / Gawen and the Kyng, witterly [29].

(Вскоре оба были готовы, / Гавейн и король) [перевод наш — Ю.В.].

Примеры использования этого приема в описаниях позволяют говорить об универсальности его характера:

In her lyf she grevyd hym nevere / Therfor was nevere woman to hym lever / Thus leves my talking. / She was the fayrest Lady of alle Englund, / When she was on the lyve, I understand; / So sayd Arthoure the Kyng [29].

(Никогда не доставляла она ему огорчений, / потому никогда не обращал он внимания на других женщин. / Так повествует мой рассказ. / Она была прекраснейшей леди в Англии, / Таковы слова короля Артура) [перевод наш — Ю.В.].

Выстраивание процитированного стихотворного фрагмента осуществляется с опорой на комбинации различных видов инверсии, прежде всего упомянутый выше гипербатон.

Следует отметить, что адресная аудитория аллитеративных рыцарских поэм на Британских островах отличалась от континентальной, что обусловлено рядом причин, связанных с особенностями истории. Присущий ей высокий уровень образованности без труда позволял опознавать и атрибутировать те или иные черты стиля, предполагаемые канонами куртуазного жанра, что превращало литературный текст в источник интеллектуально-эстетического удовольствия.

Людический (игровой) подход, характерный для средневекового мировидения, проявляется в достаточно свободном обращении с языковым материалом, вследствие этого «поэтические нарушения» привычных схем аранжировки языковых элементов переходят в статус примет-маркеров стиля лучших мастеров поэтического цеха. В том видится преемственность английской культурой провансальской куртуазной культуры, созданной трубадурами французского Юга.

Размещенные в конце укороченных строк гипербатоны способствуют созданию некоторой паузы, что можно рассматривать в качестве аргумента в пользу предлагаемого мнения об устном исполнении произведений литературы. Образующаяся пауза давала слушателю возможность осмыслить услышанное, а чтецу или певцу-исполнителю — восстановить дыхание.

Комибинирование с параллельными конструкциями *she was the fayrest Lady of alle Englond* и *she was on the lyve* [выделено мною — Ю.В.] позволяет избежать монотонности, сопутствующей языку на ранней стадии своего существования. Придаточное времени *when she was on the lyve* можно включить в спектр средств квази-амплификации, оно практически ничего не добавляет к образу леди Рагнеллы, являя собой дубликат элементов-клише из набора обязательных характеристик героини куртуазного романа, разработанного в соответствии с куртуазным кодексом служения Даме.

В число «разрыхлителей» можно включить предикативное словосочетание *I understand*, еще одно свидетельство предназначенности алитеративных рыцарских поэм для публичного исполнения, но одновременно возможное для интерпретации как средства создания иллюзии достоверности повествуемых событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ иллюстративного материала поэтических текстов английской средневековой словесности демонстрирует плодотворность сочетания традиционных методов стилистического анализа с элементами анализа дискурса для исследований в области исторической стилистики, в частности, круга вопросов, связанных с изучением процессов генерирования стиля произведений художественной словесности (поэтического языка), представленного созданием грамматической (синтаксической) основы литературного текста. Текстовый материал аллитеративных куртуазных поэм, одного из наиболее популярных жанров литературах средневековой Европы, претерпевающий значительные изменения как отражение изменений в средневековой социально-культурной среде эпохи смены средневековья эпохой Возрождения, предоставляет возможность выявить характер корреляционных отношений синтаксиса, развивающегося в эпоху изменения формы бытования художественных текстов, которая тесным образом связана со стилистическими тенденциями в гуманистической Европе. Одновременная обращенность означенной тенденции в области риторического знания к авторитетам прошлого и набирающей силу науке о языке способствует появлению новых стилистических рекомендаций на национальных языках, характерной чертой которых является подражательность, что подразумевает заимствование стилистических ходов, находок и решений выдающихся мастеров в области словесно-художественного творчества, прежде всего из гуманистической Италии. В силу отсутствия сформировавшихся языковых норм и научных представлений в качестве моделей-эталонов выступает канонический античный образец. Благодаря причинам экстралингвистического характера, обусловившим сам факт появления жанра куртуазного рыцарского романа в английской литературе, английские авторы расширили перечень стилистических эталонов расширяется за счет включения в него также и провансальских моделей стиля, атрибутируемых образованной подготовленной аудиторией. Немаловажная роль отводится также литературному творчеству признанных мастеров гуманистической Италии. В английской литературной среде, усвоившей изысканность итальянской гуманистической культуры,

возникает стиль “aureate”, своеобразие которого заключается в наложении латинских конструкций на материал интенсивно развивающегося национального языка. Одновременно в Англии формируется тенденция к поддержанию и сохранению, в частично скорректированном виде, традиционных эпических приемов, характерных для европейского ареала распространения германских языков.

© Ю.П. Вышенская

Дата поступления: 20.05.2018

Дата приема в печать: 6.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гончарова Е.А.* Текст — дискурс — стиль как когнитивное, коммуникативное и интерпретационное триединство // *Текст — дискурс — стиль в современной этнокультуре Германии*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 10—34.
2. *Скребнев Ю.М.* Основы стилистики английского языка. М.: Издательство АСТ, 2000. (На англ. яз.).
3. *Колесов В.В.* Общие понятия исторической стилистики // *Историческая стилистика русского языка*. Петрозаводск: ПетрГУ, 1990. С. 16—37.
4. *Якобсон Р.* Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге // *Работы по поэтике*. М.: Прогресс, 1987. С. 80—98.
5. *Лантева О.А.* О влиянии функционального расслоения литературного языка на его грамматику // *Синтаксис и стилистика*. М.: Наука, 1976. С. 5—24.
6. *Литвиненко Е.В.* Парцеллированные члены предложения в испанском языке XV—XX веков // *Члены предложения и классы слов в романских и германских языках*. Л.: ЛГПИ, 1983. С. 79—87.
7. *Патроева Н.В.* Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002.
8. *Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S.* Gramatyka Historyczna Języka Polskiego. Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1955.
9. *Раевская М.М.* Испанское языковое сознание Золотого века (XVI—XVII вв.) М.: Ком Книга, 2006.
10. *Зюмтор П.* Опыт построения средневековой поэтики. СПб.: Алетейя, 2003.
11. *Сапрыкина О.А.* Язык и словесное творчество средневековой Португалии. М.: КРАСАНД, 2010.
12. *Хализев В.Е.* Речь как предмет художественного изображения // *Литературные направления и стили*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 101—115.
13. *Степанова Л.Г.* Наблюдения над синтаксисом раннеитальянской прозы // *Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования*. Л.: Наука, Лен. отделение, 1982. С. 124—159.
14. *Dronke P.* Latin and Vernacular Poets of the Middle Ages. Varioreem, 1991.
15. *Hock H.H.* Principles of Historical Linguistics. Berlin; New-York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1991.
16. *Адмони В.Г.* Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л.: Наука, 1966.
17. *Schlauch M.* The English Language in Modern Times (since 1400). Warszawa & London: PWN — Polish Scientific Publishers; Oxford University Press, 1964.
18. *Brinton L.J.* Episode Boundary Markers in Old English Discourse // *Historical linguistics 1989*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. pp. 73—91.

19. La Freine URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-lay-la-freine> (accessed: 15.10. 2017).
20. «Сэр Гавейн и „Зеленый рыцарь“» // «Сэр Гавейн и „Зеленый рыцарь“». М.: Аграф, 2006. С. 15—153.
21. *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
22. *Lightfoot D.* Principles of diachronic syntax (Cambridge studies in linguistics; 23). Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
23. *Ingarden R.* Das Literarische Kunstwerk. Eine Untersuchung aus dem Grunzgebiet der Ontologie, Logik und Literaturwissenschaft. Max Niemayer Verlag / Halle (Saale), 1931.
24. *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. С. 171—233.
25. *Микоян А.С., Тер-Минасова С.Г.* Малый синтаксис как средство разграничения стилей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
26. *Матюшина И.Г.* Об особенностях рыцарского стиля // Стили в литературах средневековой Европы. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 122—165.
27. *Задорнова В.Я.* Стилистика английского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
28. The Erl of Toulous. Режим доступа: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-erl-of-toulous>. (дата обращения: 15.10. 2017).
29. The Erl of Toulous. Режим доступа: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-erl-of-toulous>. (дата обращения: 15.10. 2017).

УДК: 81'367:821.111-1"653"

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-536-552

SYNTACTIC MARKERS OF THE “AUREATE” STYLE OF THE ENGLISH MEDIEVAL POETRY

Yuliya P. Vyshenskaya

Herzen State Pedagogical University

48, block 14, the Moika Embankment, St.-Petersburg, Russia, 191186

Abstract. The article concerns the matter of investigating the poetic language phenomenon the value of which is acquired as a result of the influence of relations with the work of literature grammar basis. The problem under study is solved on the “golden” style phenomenon proper to the medieval English poetry. Courtois chivalric poems textual material is taken as an illustrative source as a most representative to research peculiarities of the “aureate” style.

The “belles-lettres” style is considered as an element of the model “style — text — discourse”, the character of their interrelations making influence on the style components as well as the nuances of their combination.

The epoch of changing the Middle Ages by the Renaissance is marked by the simultaneous changing the oral forms of the text existing by written ones accompanied by interacting of the oral and written forms of the bookish and oral speech.

The character of the process of the work of literature grammar basis forming during the period of the late Middle Ages is under the influence of the process of the epoch under consideration and stylish tendencies caused by humanistic direction which intensified in Europe at time.

Within the scope of the tendency classical rhetoric guides are replaced by national ones. The latter oriented to Latin, French and Provençal patterns. This fact induced their emulative character that can be observed in he tendency to use the experience of both classical and modern Italian writers (Dante, Boccaccio, Petrarca).

The situation in England of the time concerned reflects the one in continental Europe which is manifested first of all in the tendency proper to the Italian humanistic art to elaborate and refine style known as “aureate” or “golden”, the term introduced into scientific circulation by Lydgate. The syntactic layer of the phenomenon is served as a subject of the present study.

Key words: discours, “golden” style, pattern, emulation, poetical syntax, belles-lettres text

REFERENCES

1. Gontscharova, Y.A. (2012). Text — Discourse — Style as Cognitive, Communicative and Interpretative Trinity In *Text — Discourse — Style in Modern German ethnoculture*. Saint Petersburg: Herzen State University Publ. pp. 10— 34. (In Russ.).
2. Screbnev, Yu.M. (2000). Basics of English Stylistics. Moscow: AST Publ. (In English).
3. Kolessov, V.V. (1990). General Notions of Historic Stylistics In *Russian Historic Stylistics*. Petozavodsk: Petozavodsk State University Publ. pp. 16—37. (In Russ.).
4. Yacobson, R. (1987). Poetic Issues. Postscriptum to the Book of the Same name In *Poetic Works*. Moscow: Progress publ. pp. 80—98. (In Russ.).
5. Lapteva, O.A. (1976). Literary Language’s Functional Differentiation Influence on Its Grsmmar In *Syntax and Stylistics*. Moscow: Nauka publ. pp. 5—24. (In Russ.).
6. Litvinenko, Y.V. (1983). Parcelled Parts of a Sentence in the Spanish Language of the XV—XX centuries In *Parts of a Sentence and Words Classes in Roman and German Language*. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute publ. pp. 79—87. (In Russ.).
7. Patroyeva, N.V. (2002). Poetical syntax: the Category of Complicating. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ. (In Russ.).
8. Klemensiewicz, Z., Lehr-Splawiński, T. & Urbańczyk, S. (1955). Gramatyka Historyczna Języka Polskiego. Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
9. Rayevskaya, M.M. (2006). Spanish Linguistic Consciousness during the period of the Golden Age (XVI— XVII centuries). Moscow: KomKniga publ. (In Russ.).
10. Zumthor, P. (2003). Essays in Medieval Poetics. SaintPetersburg: Aleteya publ. (In Russ.).
11. Saprykina, O.A. (2010). Language and Literature in Medieval Portugal. Moscow: KPASANHD publ. (In Russ.).
12. Khalizev, V.Y. (1976). Speech as a Subject of Artistic Portraying In *Literary Directions and Styles*. Moscow: Moscow State University publ. pp. 101—115. (In Russ.).
13. Stepanova, L.G. (1982). Some Observations over Syntax of the Medieval Italian Prose In *Syntactic Peculiarities of Literary Languages at Early Stages of Their Forming*. Leningrad: Nauka. Leningrad Department publ. pp. 124—159. (In Russ.).
14. Dronke, P. (1991). Latin and Vernacular Poets of the Middle Ages. Varioreem.
15. Hock, H.H. (1991). Principles of Historical Linguistics. Berlin; New-York; Amsterdam: Mouton de Gruyter.
16. Admoni, V.G. (1966). The Development of the Sentence Structure during the Period of the German National Language Forming. Leningrad: Nauka. Leningrad Department publ. (In Russ.).
17. Schlauch, M. (1964). The English Language in Modern Times (since 1400). Warszawa & London: PWN — Polish Scientific Publishers; Oxford University Press.
18. Brinton, L.J. (1993). Episode Boundary Markers in Old English Discourse In *Historical linguistics 1989*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 73—91.
19. La Freine URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-lay-la-freine> (accessed: 15.10. 2017).
20. Sir Gawain and the Green Knight (2006) // Sir Gawain and the Green Knight. Trans. From English N. Reznikova. Moscow: Agraf publ. 15—153. (In Russ.).
21. Smiritsky, A.I. (2009). English Syntax. Moscow: Book House LIBROKOM publ. (In Russ.).
22. Lightfoot, D. (1979). Principles of diachronic syntax (Cambridge studies in linguistics; 23). Cambridge: Cambridge University Press.

23. Ingarden, R. (1931). *Das Literarische Kunstwerk. Eine Untersuchung aus dem Grunzgebiet der Ontologie, Logik und Literaturwissenschaft*. Max Niemayer Verlag / Halle (Saale).
24. Smirnitskaya, O.A. (1982). Poetic Art of Anglo-Saxons In *Old English Poetry*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
25. Mikhoyan, A.S. & Ter-Minassova, S.G. (1981). Microsyntax as a Means of Style Differentiation. Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
26. Matyushina, I.G. (2016). Peculiarities of the Chivalric Style In *Styles in Medieval European Literatures*. Moscow: Nauka publ. pp. 122—165. (In Russ.).
27. Zadornova, V.Y. (1986). *English Stylistics*. Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
28. The Erl of Toulous. URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-erl-of-toulous>. (accessed: 15.10. 2017).
29. The Erl of Toulous. URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-erl-of-toulous>. (accessed: 15.10. 2017).

Для цитирования:

Вышенская Ю.П. Синтаксические приметы «золотого» стиля произведений средневековой английской поэзии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 536—552. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-536-552.

For citation:

Vyshenskaya, Y.P. (2018). Syntactic Markers of the “Aureate” Style of the English Medieval Poetry. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 536—552. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-536-552.

Сведения об авторе:

Вышенская Юлия Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения РГПУ им. А.И. Герцена; *научные интересы*: историческая стилистика, история литературы, история языка, литературоведение; стилистика, лингвистика текста, *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru.

Information about the author:

Yuliya P. Vyshenskaya, Ph.D, Associate Professor of the Department of English Language and British Studies of Herzen State Pedagogical University; *Scientific Interests*: Historical Stylistics, History of Literature, History of Language, Literature studies, Stylistics, Text Linguistics; *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru.